

— Линь Цзяо нужен «инструмент», который поможет ему отомстить. — Сяо Юань шел по коридору с мобильным телефоном в одной руке и документом в другой. Во время разговора он кивнул проходящим членам команды. — Что касается того, является ли этот «инструмент» той самой девочкой, которую Линь Чжунго спас в том году, то это на самом деле не так уж и важно.

Минг Шу оперся рукой на оконную раму дома Чи Сяоминь:

— Да, именно это я и имею в виду! Раньше я думал, что это очень странно — ненависть Чи Сяоминь к «призрачным картам» и уважение к Линь Чжунго были слишком сильны. Линь Чжунго был спасителем Чи Сяоминь, это правда, но когда Линь Чжунго спас ее, она была еще ребенком и ничего не знала. До того, как ей исполнилось 7 лет, она жила со стариком. Я спрашивал ее несколько раз и обнаружил, что она, похоже, не очень ясно помнит, что произошло до того, как ей исполнилось 7 лет. В этом «неясном» контрасте ее уважение и ненависть были особенно ясны. Я подозреваю, что эти сильные эмоции принадлежали Линь Цзяо... За последние десять лет Линь Цзяо постепенно внушала ей это. Если вспомнить о Сюй Инь, Линь Цзяо — психолог, который очень хорошо вмешивается в память и мысли маленькой девочки. Есть еще один очень резкий момент. Чи Сяоминь сказала, что старик сказал ей, что ее передал ему человек, одетый как городской житель. Этим человеком, должно быть, был Линь Чжунго, но почему Линь Чжунго передал ее старику, который не мог гарантировать ее безопасность? Почему старик принял ее? Я полагаю, что это вовсе не настоящие воспоминания Чи Сяоминь, а наставления, которые ей внушил Линь Цзяо. В процессе идеологической обработки Линь Цзяо проигнорировал последовательность и целостность логики.

Окно выходило площадку для копчения колбас на западе деревни. Ветер дул оттуда, принося в комнату запах дыма от горящих веток.

Минг Шу не привык к запаху, поэтому он повернулся и закрыл окно, и продолжил:

— Линь Цзяо может внушить те же воспоминания и чувства любому сироте, который не знает своего собственного жизненного опыта. В отдаленных деревнях на севере есть много маленьких девочек без родителей, которые ничего не знают о своем прошлом. Для Линь Цзяо не имеет значения, является ли эта маленькая девочка той самой девочкой, ради спасения которой Линь Чжунго рисковал своей жизнью. Он вполне способен заставить маленькую девочку, которую он выберет, поверить, что Линь Чжунго — ее благодетель, и она отомстит за Линь Чжунго, даже если ей придется пожертвовать своей жизнью.

Сяо Юань собирался на встречу с Группой по расследованию уголовных дел № 2. Было еще рано, и в зале заседаний никого не было. Он толкнул дверь и нашел случайное место, чтобы сесть.

— Другая возможность заключается в том, что Линь Цзяо на самом деле искал спасенную девочку, но она уже была мертва.

Сердце Минг Шу екнуло.

— В сложившихся тогда обстоятельствах Линь Чжунго смог спасти девочку, но он не был уверен, сможет ли найти для нее подходящее место. — Сяо Юань сказал: — Хэ Маолянь была единственной, кто знал о его тайном визите в город Силян. Он никогда бы не отдал девочку Хэ Маолянь. Другими словами, у Линь Чжунго не было никого, кому он мог бы доверить девочку.

Минг Шу слегка сжал кулаки.

— Я лично допрашивал Цянь Минь, лидера «Юнь Коу». Они приложили много усилий, чтобы найти девочку, но в итоге ничего не нашли. Даже им пришлось поверить, что девочка мертва.

— Теперь мы можем узнать, является ли Чи Сяоминь той девочкой, которая родилась в том году. У Юнь Коу наверняка есть запись о том, к какой семье принадлежит пропавшая девочка. Мы можем выяснить это, проведя сравнение ДНК.

Минг Шу молчал несколько секунд, а Сяо Юань не продолжил говорить.

Ветер ударил в и без того хлипкое окно, издав треск. Стекло не смогло заблокировать дым и пыль. Минг Шу шмыгнул носом, у него запершило в горле, и он внезапно закашлялся.

— Ты простудился? — спросил Сяо Юань.

— Нет, деревня коптит колбаски. — Минг Шу зажал телефон между плечом и лицом и достал из кармана пачку салфеток. — Я просто подумал, если Чи Сяоминь действительно была просто «инструментом», выбранным Линь Цзяо, то ее судьба слишком трагична. Изначально она была просто «незарегистрированным жителем» в бедной деревне. Ее могли бросить биологические родители или продать. Согласно политике последнего десятилетия, она могла получить законное удостоверение личности и жить нормальной жизнью. Это Линь Цзяо причинил ей вред.

— Когда узнаешь о жизненном опыте Линь Цзяо, отбросив в сторону свою рациональную сторону, ты на самом деле испытываешь к нему жалость.

Минг Шу вздохнул:

— Это верно, но на самом деле... между ним и людьми, которым он отомстил, нет существенной разницы. Под влиянием ненависти он «ассимилировался», но пока этого не осознал. В глазах Цяо Сюэхуа и других мертвая девочка — всего лишь инструмент для реализации их желаний или жадности. Они знают, что это жизнь, но все равно тратят кучу денег, чтобы купить ее. Чи Сяоминь — всего лишь инструмент, используемый Линь Цзяо для мести. Когда Линь Чжунго спас девочку, он никогда бы не хотел, чтобы ее использовал его собственный сын вот так.

Минг Шу еще раз осмотрел обстановку в комнате, повернулся и пошел во двор:

— Линь Цзяо был полон решимости отомстить за своего отца, прячась в темноте и выталкивая девушку вперед. Этот человек...

— Презренный и трусливый мститель. — Сказал Сяо Юань.

После того, как Чи Сяоминь доставили в Бюро уголовных расследований, она немедленно прошла ДНК-тест, а затем была отправлена к профессору Шэнью в Центр психологических исследований.

Кампания по искоренению индустрии «призрачных карт» на севере все еще продолжается. Получив звонок от Сяо Юаня, Шэнь Сюнь немедленно отправился на поиски семьи девочки и узнал, что отец девочки умер, но ее мать все еще жива.

После сравнения ДНК было установлено, что Чи Сяоминь не имела с ней кровного родства.

Ранее были опубликованы результаты сравнения ДНК Чи Сяоминь и большого количества пятен крови в переулке №4 улицы Илу. Сяо Мань сердито швырнул отчет на стол и выругался:

— Блядь! Ублюдок!

В то время Сюй Инь ясно описала Минг Шу «женщину перед окном» и «женский труп, умерший ужасной смертью в переулке». Сяо Мань и Сюй Чунь немедленно отправились осмотреть место происшествия и действительно обнаружили пятна крови. Однако при проведении сравнения ДНК в системе не было обнаружено никаких результатов.

Линь Цзяо был очень хитрым. Он не только внушил Сюй Инь ложные воспоминания, чтобы та могла ввести полицию в заблуждение, но и пролил кровь Чи Сяоминь в переулке №4 улицы Илу в качестве «улики».

— Кровь брали отсюда. — Чи Сяоминь коснулась своей правой руки: — Брат сказал, что это сработало.

Профессор Шэнь вздохнул, закрыл дверь и оставил Чи Сяоминь одну внутри. Он сказал Минг Шу:

— Мне жаль. Линь Цзяо — мой ученик, и я рекомендовал его в бюро. Он совершил ошибку, и на мне лежит непреодолимая ответственность.

Минг Шу покачал головой:

— Линь Цзяо не просто совершил ошибку, он совершил преступление.

Профессор Шэнь спросил:

— Могу ли я пойти и поговорить с ним?

— О чем вы хотите с ним поговорить?

— Я...

— Вам его жаль. Жаль его судьбу и его талант.

Профессор Шэнь снова вздохнул:

— Капитан Минг, Линь Цзяо тоже был жертвой. Если бы его отца не убили, как он мог стать таким?

— Хотите, чтобы я тоже его пожалел, а потом отнесся к этому делу с сочувствием? — Голос Минг Шу был немного холодным, не равнодушным, но необычайно спокойным и сдержанным.

Профессор Шэнь впервые увидел Минг Шу таким серьезным.

— Я просто надеюсь, что вы сможете рассмотреть причины, по которым он дошел до этой точки.

— Линь Цзяо — жертва, это правда, его семью разрушили «призрачные карты». Но профессор Шэнь, вы также понимаете, что с того момента, как он использовал Чи Сяоминь в качестве своего «орудия мести», он превратился из жертвы в преступника и убил Лу Чао собственными руками.

Выражение лица профессора Шэня было сложным. Он пожалел своего любимого ученика, но также посетовал на «железную руку» отдела по расследованию тяжких преступлений.

— Я понимаю ваши чувства. Действительно, корень преступления кроется в «призрачных картах». Если бы Линь Чжунго не умер, Линь Цзяо вырос бы в здоровой семейной обстановке он, скорее всего, стал бы прекрасным и порядочным человеком. Линь Чжунго назвал его «Цзяо», вероятно, надеясь, что у него будет светлая и ясная жизнь. Но факт в том, что он совершил преступление. — Минг Шу серьезно сказал: — Вы помогли нам в нашей работе много лет, но вы всего лишь консультант, а не настоящий криминальный полицейский. Вы можете его жалеть, но я и мои братья по команде по расследованию тяжких преступлений, не можем.

Расслабленные веки профессора Шэня слегка дрожали.

— Потому что если даже мы не можем отстоять справедливость и рациональность, — сказал Минг Шу, — к кому могут обратиться за поддержкой те, кто действительно нуждается в защите? У кого они могут искать убежища?

После прослушивания записи Хэ Маолянь Линь Цзяо почти не разговаривает. Аура элитарности, всегда окружавшая его, исчезла, и свет в его глазах постепенно угас.

Когда следователь задавал ему вопросы, он редко отвечал, даже глаза его почти не двигались, как будто его тело все еще находилось в этом мире, но разум перенесся в другое измерение.

Подозреваемые, как правило, не встречаются друг с другом, но это не железное правило. Чи Сяоминь встала напротив Линь Цзяо и мягко позвала:

— Брат.

Линь Цзяо наконец отреагировал, поднял голову и ошеломленно уставился на Чи Сяоминь.

Минг Шу смотрел на них двоих через камеру наблюдения.

Видно, что Линь Цзяо не совсем лишен чувств к Чи Сяоминь и не совсем не чувствует за собой вины. Черты его лица подергиваются, плечи дрожат то слегка, то сильно, руки сжаты, а подбородок и шея напряжены.

— Брат, — сказала Чи Сяоминь, — Тебе не нравятся ни вяленые колбаски, ни сладкие. В этом году я приготовила много острых колбасок, все копченые. Я... я подумала, что в следующий раз, когда ты приедешь ко мне в гости в городок Ланьшуй, я отдам их тебе.

Линь Цзяо крепко поджал губы, словно пытаясь что-то скрыть.

— Я не такой уж и ребенок. Я все знаю. — Чи Сяоминь была очень спокойна. Такое спокойствие превзошло ожидания многих людей. Когда она говорила, она все время смотрела на Линь Цзяо, и на ее лице даже появилась слабая улыбка. — Я... На самом деле, до сих пор я не ненавидела тебя. У меня нет родственников, и я была одинока с самого детства. После того, как умер мой дедушка, который заботился обо мне, ты был единственным, кто заботился обо мне. Даже если ты использовал меня, я думаю, это того стоило.

Чи Сяоминь вздохнула:

— Больше всего я сожалею о том, что не смогла тебя остановить. На самом деле, я могла бы...

Чи Сяоминь опустила голову и вытерла глаза, словно не могла продолжать. Прошла минута, прежде чем она снова подняла голову:

— Брат, я не ненавижу тебя.

Линь Цзяо обхватил голову обеими руками с такой силой, что сухожилия на тыльной стороне его рук едва не лопнули.

Все слышали, как он рыдал.

— Ты мне уже десять лет рассказываешь, какой порядочный и храбрый дядя Линь. — Чи Сяоминь глубоко вздохнула, голос ее дрожал: — Ты сын дяди Линя, и его кровь течет в твоём теле. Ты... Брат, я не верю, что ты не унаследовал хотя бы частичку честности дяди Линя. Брат, признай себя виновным.

Рыдания и тишина заполнили каждый уголок комнаты для допросов. После того, как Чи Сяоминь ушла, Линь Цзяо, казалось, наконец-то вернул свой разум из другого пространства.

Он сказал:

— Я хочу послушать эту запись еще раз.

— Он попросил меня пообещать ему, что если с ним случится что-то плохое, я никогда не расскажу полиции о его расследовании в отношении «призрачных карт»... Он сделал это, чтобы защитить Линь Цзяо... Эти люди были способны на все, и даже если полиция могла бы защитить Линь Цзяо временно, они не смогли бы защищать его вечно... «Я плохой отец, но, по крайней мере, Линь Цзяо не должен пострадать из-за меня» — вот его точные слова.

По мере того, как запись проигрывалась снова и снова, первоначальные рыдания Линь Цзяо переросли в слезы.

Никто не знает, о чем он думает в этот момент, или, возможно, каждый может догадаться, о чем он думает.

Единственным эгоистичным поступком в жизни Линь Чжунго было желание защитить его и надеяться, что он вырастет в безопасности.

Его называли «Цзяо» в надежде, что он будет чист и безупречен на протяжении всей своей жизни.

Но он упал в чернейшую грязь, что противоречило ожиданиям его отца.

Он подвел Линь Чжунго.

В тот день Линь Цзяо признался полиции во всех фактах преступления, включая поспешное убийство Лу Чао из-за разоблачения Чи Сяоминь.

— На самом деле, я был потрясен, когда убил Лу Чао. Оказывается, убийство — не такое уж сложное дело. Пока ненависть и безумие в твоём сердце достаточно сильны, ты можешь подавить страх. — Линь Цзяо горько улыбнулся: — Лу Чао — любитель активного отдыха. Я тоже притворился любителем активного отдыха. Ему нравится делать захватывающие фотографии, например, прыгать с безлюдной скалы. Чтобы сделать такую хорошую фотографию, иногда требуется целый день. Я просто ударил его ножом в спину, когда он был измотан и беззащитен, а затем толкнул его. Он мертв.

Линь Цзяо, казалось, вспоминал ситуацию того времени.

— Если бы я знал, что убивать людей так легко, зачем бы я полагался на Сяоминь? Она... она действительно пострадала от меня. Капитан Минг, вы догадались, что я приостановил план и отправил Сяоминь в посёлок Ланьшуй, потому что вы вернулись и пришел заместитель Сяо. Это правда. Я боялся вас. Я не знал, не разоблачусь ли я перед вами — как оказалось, это и произошло. Но это не только из-за вас. Я многим обязан Сяоминь. Убив кого-то, я понял, что все еще могу отомстить без нее. В будущем почему бы не позволить ей жить обычной жизнью?

В конце признания Линь Цзяо снова упомянул свою мать.

— Они все говорили, что моя мать бросила меня, уехала за границу и не вернулась. Я тоже так думал, когда был ребенком, но в последние два года я вдруг понял, что моя мать уехала, чтобы отомстить за моего отца. — Линь Цзяо вздохнул: — Она отправилась в Юго-Восточную Азию, и первая партия «призрачных карт» была продана в Юго-Восточную Азию. Она храбрее и безумнее меня.

Полиция обнаружила части тела Лу Чао в месте, описанном Линь Цзяо — большая часть тела была съедена животными.

Что касается Хуан Янь, то реакция Линь Цзяо была такой же, как и у Чи Сяоминь.

— Я ее не убивал. Она не является моей непосредственной целью. Цена ее и «призрачных карт» Цай Синьюэ составляет менее 100 000 юаней. Они даже не богаты. Первое, с чем я хочу разобраться, — это те богатые люди, которые недобры.

Заключительное расследование дела еще не было завершено, и Минг Шу отправился в посёлок Цзянбэй 2 на улице Гуандань в районе Бэйчэн.

Спустя некоторое время в этом полуновом жилом районе снова появилась новая тема, и мало

кто до сих пор обсуждает странную смерть владелицы курьерской станции.

Дом Хуан Янь по-прежнему сохранился в том же виде, в каком он был, когда Сян Тао и другие в последний раз приходили туда для расследования. В воздухе витает слабый запах, а на земле нарисованы важные схематические линии.

Минг Шу присел на корточки возле пустых полок и посмотрел на схематические линии на полу.

Дело «призрачных карт» имеет чрезвычайно широкие последствия. Юридическим санкциям подвергнутся не только «Мастера» и стоящие за ними местные банды и транснациональные преступные группировки, но и должностные лица, которые с ними сговорились. Группа специальных операций вызвала «землетрясение» в северных городах, таких как город Сяси. Эта операция по очистке не закончится в ближайшее время и, скорее всего, продолжится до следующего года.

Но кто бы мог подумать, что причиной этой бури стала владелица этой станции экспресс-доставки? Ее смерть привлекла внимание полиции к «призрачным картам», но она была убита не из-за «призрачных карт» — по крайней мере, теперь возможность того, что ее убил Линь Цзяо, исключена.

Так почему же ее убили?

Минг Шу закрыл глаза, и ему на ум пришла грудь Хуан Янь, полная маленьких дырочек.

Небольшая дыра образовалась в результате использования молотка для дробления льда. Что хотел выразить убийца?

Возле станции экспресс-доставки больше не было оцепления. Несколько жителей собрались у двери, вытягивая шеи, чтобы оглядеться, и тихо переговариваясь.

— Полиция снова здесь. Убийцу еще не поймали?

— Это действительно страшно. А вдруг он совершит еще одно преступление? Зимние каникулы уже совсем близко. Если убийцу не поймут, я не посмею позволить своей внучке переехать жить ко мне.

У Минг Шу острый слух и еще более острое зрение. Выйдя из дома Хуан Янь, он увидел женщину со странным выражением лица.

Женщине на вид было около 40 лет, у нее были модные в последнее время волнистые волосы и фартук, обмотанный вокруг груди. Она стояла позади жителей, заглядывая в здание экспресс-доставки, и когда увидела, что кто-то выходит, она быстро развернулась и ушла.

Судя по ее одежде, она должна была жить где-то неподалеку.

Но по сравнению с теми, кто действительно наблюдал за весельем, она не была похожа на человека, который пришел просто посмотреть на веселье, потому что снова пришла полиция.

Минг Шу стоял на обочине возле станции экспресс-доставки и смотрел, как женщина идет в переулок по диагонали напротив.

Жители еще не разошлись, когда к Минг Шу подошли две очень дружелюбные пожилые женщины и спросили его о случившемся.

— Молодой человек, когда вы поймаете преступника? Мы беспокоимся, что до сих пор никого не поймали.

Минг Шу, обращаясь к людям, нацепил на себя привычную дружелюбную улыбку:

— Дело расследуется, и мы дадим вам объяснения как можно скорее.

Трудно было сказать, успокоили ли жителей эти слова или красивая улыбка полицейского, но все они засмеялись:

— Это хорошо, это хорошо.

Минг Шу спросил:

— Кто эта женщина, что только что стояла рядом с вами?

Услышав это, все обернулись, и один человек спросил:

— Вы говорите о сестре Шан?

Кто-то сказал:

— Сестра Шан? Сестра Шан только что приходила?

— Разве вы не видели? Она стояла прямо позади нас.

— Я видела ее, я видела. Казалось, она особенно обеспокоена сестрой Хуан.

Все заговорили одновременно, Минг Шу не перебивал, просто стоял в стороне и слушал.

— Я, я тоже обеспокоена. Дела здесь идут не очень хорошо, но ее бизнес внезапно процветает.

— У нее нет возможности вести бизнес, как и у других. Я слышала, что они собираются закрыться, верно?

— Не совсем. Есть курьерские компании, сотрудничающие с ее семьей...

Минг Шу понял, что сестра Шан, как и Хуан Янь, также управляла станцией экспресс-доставки, но ее бизнес был средним.

На самом деле, когда тело было впервые обнаружено, Минг Шу знал, что Хуан Янь хорошо разбирается в бизнесе, поскольку в магазине было много популярных закусок. Некоторые клиенты, особенно молодые люди, покупают их при получении или отправке экспресс-посылки.

Послушав некоторое время разговоры жителей, Минг Шу направился к переулку, где жила сестра Шан, и увидел вывеску с надписью «Станция для слонят».

В магазине была только сестра Шан — ее полное имя Шан Сяюй. Она открыла этот небольшой магазинчик вместе со своим мужем, который доставлял посылки на улицу.

Шан Сяюй очень нервничала, когда увидела полицию.

Хотя Минг Шу не принимал участия в визите Северного городского отделения на улицу Гуаньдань, он знал, что Ли Чичэн, Сян Тао и другие перевернули этот район с ног на голову. Если бы у Шан Сяюй были какие-то проблемы, она бы не могла скрываться до сегодняшнего дня.

Но реакция Шан Сяюй не могла не привлечь внимания людей. Минг Шу некоторое время наблюдал за ней и, не ходя вокруг да около, спросил:

— Вы что-нибудь знаете о смерти Хуан Янь?

Шан Сяюй быстро покачала головой.

— Вы, вы приходили ко мне и моему мужу несколько раз. После смерти Хуан Янь все посылки, которые должны были быть отправлены ей, были отправлены нам. Наш бизнес действительно улучшился. Но на самом деле это не мы причинили ей вред.

— Я в вас не сомневаюсь. — ответил Минг Шу: — Вам не нужно так волноваться.

У Шан Сяоюй на лбу выступил пот, и она часто поджимала губы.

Минг Шу сказал:

— Я просто хочу узнать, известно ли вам что-нибудь о смерти Хуан Янь?

Шан Сяоюй все еще качала головой.

— Вы не против, если я осмотрю ваш магазин? — сказал Минг Шу.

Шан Сяоюй явно не хотела этого позволять, но у нее не было причин отказываться.

Магазин небольшой и, как и магазин Хуан Янь, был переоборудован из жилого дома. Минг Шу быстро обошел вокруг и вернулся к Шан Сяоюй.

Шан Сяоюй почувствовала себя еще более неуютно.

— Если вы что-то знаете и хотите мне рассказать. — Минг Шу оторвал листок бумаги и записал на нем номер стационарного телефона отдела по расследованию тяжких преступлений: — Свяжитесь со мной в любое время.

Рождество уже совсем скоро. В торговых центрах играет праздничная музыка, в атриумах всех торговых центров установлены рождественские елки, повсюду можно увидеть сверкающие украшения.

Сяо Юань отправился в филиал в Наньчэне, чтобы присутствовать на встрече, а Минг Шу поехал за ним. По дороге домой они случайно проходили мимо торгового центра и решили поужинать там, прежде чем возвращаться.

На улице холодно, и Минг Шу хочется съесть свежее жаркое из говядины. Но они приехали поздно и не забронировали места заранее, поэтому перед ними выстроилась очередь из более чем 20 человек.

Сяо Юань изначально хотел предложить сменить ресторан, но Минг Шу выглядел рассерженным и настоял на том, чтобы поесть в этом ресторане.

Сяо Юань улыбнулся и позволил ему делать то, что он хотел.

Ресторан шабу-шабу, где подают свежую говядину, находится прямо напротив атриума и имеет

очень удачное расположение. Вокруг рождественской елки в атриуме проходили представления, а некоторые дети гонялись друг за другом с надувным оружием.

Минг Шу рассчитал время и предположил, что до его очереди останется еще полчаса, поэтому он потащил Сяо Юаня в атриум, чтобы посмотреть представление.

Прежде чем он приблизился, его ударили по ноге.

Минг Шу обернулся и увидел непослушного ребенка, ухмыляющегося ему.

Удар по ноге был нанесен надувной булавой непослушного ребенка.

В атриуме много торговцев, продающих эти игрушки. Помимо булав, есть также молотки, грабли и золотые палки-обручи.

Взгляд Минг Шу упал на булаву.

Если быть точным, он упал на шипы булав.

<http://bllate.org/book/14859/1322006>